

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470.33)''18/19''+392.65
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.052

Антропология девиантного поведения (на примере Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX века)

Г.В. Карандашев

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Россия

Исход судебных разбирательств об отклоняющемся поведении в Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX в., доказано в статье, определялся социальным положением участников. Бытовая деструктивность предстала сосредоточенной в домах терпимости – местах острых конфликтов из-за сочетания полицейского контроля, финансовых обманов клиентов, криминального окружения и социального отчаяния крестьянок и мещанок из бедных семей. Начавшие торговлю телом до 20 лет, они не имели и начального образования; содержательницами притонов были мещанки разного возраста, знавшие азы бухгалтерии. Общественные обсуждения «социальных язв» были вызваны бесправным экономическим положением участниц секс-коммерции, распространением венерических болезней, и выливались в требование отменить легализацию публичных домов.

Ключевые слова: *Российская империя, Тверская губерния, антропология, девиантное поведение, дом терпимости, проституция, алкоголизация, преступность.*

В девиантологии дискуссия о том, что обуславливает отклоняющееся поведение – социальный контекст или внутренняя природа человека, восходит к XIX в. В современной науке это противостояние оформилось как спор между релятивизмом, подчеркивающим историческую и культурную изменчивость норм, и антропологическим подходом, который акцентирует глубинные личностные деформации. Такой ракурс позволяет интерпретировать различные формы девиаций не просто как социальные явления, но и как проявления личностного кризиса, возникающие на пересечении общественных условий и внутреннего мира человека¹.

Проекция этого спора на конкретный исторический контекст даёт возможность увидеть, как теоретические установки преломлялись в практике

¹ Хагуров Т.А. Девиантология – социология и психология зла: монография. М., 2023.

регулирования девиаций. Так, на рубеже XIX–XX вв. проституция стала одним из самых обсуждаемых социальных феноменов в России, а врачебно-полицейский надзор за ней – предметом острых дискуссий. Регламентаторы выступали за обязательные медицинские осмотры и лицензирование публичных домов². Аболиционисты и лидеры женского движения настаивали, что регламентация ведёт к унижению женщин и не решает поставленных задач³, а в домах терпимости «совершается более глубокое падение нравственной личности, нежели в том случае, когда проститутка одиночка»⁴. Примечательно, что уже в то время в оценках проституции как общественного явления проявлялись гендерные различия самих учёных⁵.

Историографический обзор показывает, что интерес к проблеме проституции в России имеет давнюю традицию. В советское время считалось, что регламентация 1843–1917 гг. показала полнейшую санитарную несостоятельность. Надзор за проституцией носил резко выраженный дискриминационный характер и всей своей тяжестью ложился на женщин, принадлежащих к «недостаточным классам населения». Дома терпимости оказались не орудием оздоровления, а «опаснейшим очагом заражений и вместе с тем взрывающим всю систему надзора источником деморализации причастных к надзору агентов власти»⁶.

Р. Стайтс предложил одно из первых комплексных исторических исследований проституции в дореволюционной России, показав, что система регламентации 1843 г. не достигла заявленных целей. Русский публичный дом выступал образом гноящегося центра болезни, гнезда преступности и тюрьмы для сексуальных рабынь, а не официальным образом чистой, хорошо контролируемой социальной профилактики⁷. Хотя Л. Бернштейн отмечает, что для многих бедных женщин работа в борделе была добровольным выбором и даже улучшением по сравнению с нищетой⁸.

Бордели в Российской империи были неотъемлемой частью государственной системы регулирования проституции, связанной с военными нуждами. П. Хезерингтон подчеркивает гендерную специфику управления ими

² Тарновский В.М. Проституция и аболиционизм. СПб., 1888.

³ Елистратов А.И. О прикреплении женщины к проституции. Казань, 1903.

⁴ Покровская М.И. Борьба с проституцией: доклад II Отделению Р. Общества охранения народного здоровья, 10 декабря 1899 года. СПб., 1900. С. 32.

⁵ Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицюк Н.А. Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. М., 2025. С. 17.

⁶ Броннер В.М., Елистратов А.И. Проституция в России. М., 1927. С. 19, 32–33.

⁷ Stites R. Prostitute and society in Pre-Revolutionary Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1983. 31(3). P. 354.

⁸ Bernstein L. *Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia*. Berkeley, 1995. P. 144–161, 167–175.

(только женщины-мадам), распространенность теневых практик (сутенерство), а также наличие уникальной субкультуры⁹. Проституция как культурный конструкт отражала гендерную и классовую динамику имперской России¹⁰.

В современной российской историографии проституция во второй половине XIX – начале XX в. предстаёт как многогранный социокультурный феномен городской повседневности: ситуация подробно освещается в двух столицах¹¹, а региональные изыскания передают местную специфику регламентации¹²; анализируется правовой статус домов терпимости, деятельность которых государство пыталось поставить под свой контроль¹³.

Проблема проституции в Тверском регионе во второй половине XIX – начале XX в. остается малоизученной. Лишь в диссертационном исследовании А.В. Петровой, основанном на материалах Тверской губернии, отмечается распространение практики аренды детей-сирот для занятия проституцией и попрошайничеством, а также факт того, что многие сироты впоследствии пополняли ряды публичных женщин¹⁴.

Цель работы – в рамках антропологического подхода охарактеризовать различные формы девиантного поведения в Тверской губернии во второй половине XIX – начале XX в. как взаимосвязанные элементы городской повседневности, рассматриваемые в контексте регламентации проституции. Проституция выступает не единственным, но центральным объектом анализа: именно через систему её надзора раскрываются механизмы социального контроля, гендерные и сословные асимметрии, а также взаимосвязь различных девиаций, в том числе алкоголизации и преступности. Достиже-

⁹ Hetherington P. Prostitution in Moscow and St. Petersburg, Russia // *Selling Sex in the City: A Global History of Prostitution, 1600s–2000s*. Leiden; Boston, 2017. P. 138–170.

¹⁰ Lucey C. *Love for Sale: Representing Prostitution in Imperial Russia*. Ithaca, 2021.

¹¹ Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М., 1994; Кузнецова А.Н. Проституция и нужда в Москве в конце XIX – начале XX века // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 7–2 (70). С. 29–35.

¹² Паликова Т.В. «Торговля позором», или «заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // *Вестник РУДН. Серия История России*. 2009. № 2. С. 38–52; Мальшева С.Ю. Содержательницы казанских борделей второй половины XIX – начала XX в.: портрет явления // *Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 102–112; Нестеренко Д.Н., Гергулев Д.Н., Хаит Н.Л., Излученко Т.В. Дихотомия публичного и частного на примере феномена сексуальной коммерции в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Былые годы*. 2024. № 19(3). С. 1257–1264.

¹³ Зюбан М.Н. Российские дома терпимости: середина XIX столетия – 1917 г. // *Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2011. № 3–2(19). С. 164–169.

¹⁴ Петрова А.В. Сиротство как социальное явление во второй половине XIX – начале XX вв.: по материалам Тверской губернии: автореферат дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02. Тверь, 2007. С. 12–15.

нию цели служат методы истории повседневности, позволяющие проанализировать неформальные практики взаимодействия власти, общества и маргинальных групп и выявить иерархии через анализ конфликтных ситуаций¹⁵.

Численность зарегистрированных публичных женщин в Тверской губернии не была статичной и постоянно менялась, показывая постепенный рост с начала введения надзора. По данным официального обследования, проведённого 1 августа 1889 г., в Тверской губернии насчитывалось 104 зарегистрированные проститутки. Из них 26 работали в домах терпимости, 78 являлись одиночками. Средний возраст для работавших в борделях составлял 22 года и 25 лет – для одиночек¹⁶. Наибольшее число проституток было зафиксировано в губернском городе Твери – 27 (см. табл.).

Сведения о количестве проституток в Тверской губернии по данным обследования 1 августа 1889 г.¹⁷

Город/уезд	Одиночки	В домах терпимости	Общее количество проституток в городах и уездах
Тверь	19	8	27
Бежецк	11	–	11
Вышний Волочёк	11	–	11
Кашин	–	8	8
Осташков	1	6	7
Ржев	3	4	7
Старица	7	–	7
Торжок	6	–	6
Весьегонск	6	–	6
Калязин	4	–	4
Корчев	3	–	3
Зубцов	3	–	3
Бежецкий уезд	3	–	3
Корчевский уезд	1	–	1
Всего	78	26	104

Большинство девушек не имели образования и происходили из бедных крестьянских семей. На 1 августа 1889 г. в Тверской губернии действовало 8 домов терпимости и 1 дом свиданий. Каждое заведение имело содержатель-

¹⁵ Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современных исторических исследованиях: от школы Анналов к Российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.

¹⁶ Проституция = La prostitution: по обследованию 1-го августа 1889 года. Санкт-Петербург, 1890. С. 18.

¹⁷ Там же.

ницу – женщину, организовывавшую сексуальную коммерцию. Анализ персональных данных содержательниц позволяет составить их примерный социально-демографический портрет. Их возрастная структура характеризовалась значительной неравномерностью и охватывала диапазон от лиц моложе 20 лет до лиц старше 55 лет¹⁸. Возраст содержательниц младше 35 и старше 55 лет нарушал «Правила для содержательниц домов терпимости», изданные МВД 28 июля 1861 г., где прописывалось, что «дома терпимости дозволяется открывать только женщинам не моложе 35 и не старше 55 лет»¹⁹. Значительную группу содержательниц по сословию представляли мещанки²⁰. Доминирование данного сословия вполне закономерно: мещане составляли основную массу городского торгово-промышленного населения, которое обладало необходимыми связями, капиталом и возможностью аренды помещений для ведения подобного бизнеса.

Источники фиксируют разнообразные факты нарушений общественного порядка и преступлений на протяжении действия надзора, связанные с домами терпимости. В рапорте тверского губернатора министру внутренних дел от 13 августа 1863 г. сообщалось, что 11 августа в 11 часов вечера рабочие, строившие ветку железной дороги от Тверской станции до реки Волги, совершили буйство в «доме девок вольного обращения», находившемся за рекою Лазурью. Мужчины выбили окна и расхитили часть пожитков. На место происшествия был направлен патруль из восьми полицейских нижних чинов при двух унтер-офицерах и четырех рядовых Тверского батальона внутренней стражи. Однако рабочие оказали сопротивление: некоторых патрульных связали, нанесли им побои – одному повредили плечо и колено, другому раскроили губу и выбили зуб. Для усмирения были отряжены две роты солдат, но к их приходу буйство уже прекратилось, а рабочих нашли «спокойно лежащими на своих нарах». По указанию публичных девушек арестовали 10 человек и заключили в острог, избитых солдат отправили в больницу. Тверской вице-губернатор Ю.В. Толстой распорядился о производстве следствия особой комиссией. Полицмейстер первоначально донес о «взбунтовавшихся поляках» численностью до 400 человек, однако дознание показало, что из десяти главных виновников только один был уроженцем Могилевской губернии, остальные – из Великокороссийских губерний; под «поляками» ошибочно подразумевались землекопы²¹.

25–26 августа 1874 г. в тверском доме терпимости Бахиревой в нетрезвом состоянии находились унтер-офицер 1-го гусарского сумского полка Николай Узатис (20 лет) и лейб-гвардии кирасирского полка барон Александр де Брионольд (24 года). По показаниям содержательницы, публичных девиц (мещанок Гаврюшкиной, Некрасовой, Чирьевой) и музыкантов (бессрочноотпускного Пушкина, тверских мещан Егора и Михаила Корзиных),

¹⁸ Там же. С. 12–15.

¹⁹ Зюбан М.Н. Указ. Соч. С. 165.

²⁰ Проституция = La prostitution... С. 18.

²¹ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 56. Оп. 1. Д. 11045. Л. 14.

офицеры долго танцевали. Когда музыканты потребовали плату, а девица Гаврюшкина отказалась продолжать танцы, Узатис нанес побои музыканту Николаю Иванову, затем ударил Гаврюшкину в подбородок, а после схватил и напал на саму Бахиреву. Бахирева вызвала помощника пристава 1-й части 4-го квартала Рубинштейна. Когда тот прибыл и предложил прекратить буйство, офицеры ответили ругательствами, посылая его «к черту» и произнося «площадные слова». Де Бринольд схватил Рубинштейна за рукав пальто, прижал к стене, тормозил и тряс, говоря, что он «гораздо важнее» помощника пристава, и обращался на «ты». Рубинштейну удалось вырваться, но на лестнице Узатис ударил его по спине. Вернувшись с понятыми (мещане Алексей и Иван Пряженниковы) и полицейскими (Сергей Никитин, Леонтий Комиссаров) для составления протокола, Рубинштейн застал де Бринольда без каски, галстука и шинели. Тот стучал по столу, толкал его, требовал писать, что «полиция украла у меня 150 руб., шинель, перчатки и галстук», грозил, что Рубинштейн завтра же лишится места, т. к. де Бринольд – сын генерала, и будет телеграфировать шефу жандармов. Когда Рубинштейн перешел в другую комнату, де Бринольд последовал за ним; полицейские удерживали его, а он выхватывал саблю, угрожая изрубить их. После составления протокола де Бринольд разорвал его на несколько кусков и бросил на пол. На следствии Узатис сначала сознался во всем, затем заявил, что взял вину на себя по просьбе де Бринольда, что подтвердили свидетели Ушаков и Миллер. Де Бринольд ссылаясь на беспамятство. Узатис был уволен со службы без права ношения воинского звания. Несмотря на очевидные доказательства, Тверской окружной суд 25 апреля 1875 г. признал обоих невиновными²²

В 1892 г. тверской полицмейстер получил анонимное письмо с жалобой на две портерные (питейные заведения) на Мироносицкой улице, которые, по словам автора, являлись «публичными домами», а посетителей, заявляющих жалобы, выталкивали вон. Полиция провела дознание, сосредоточившись на заведении дочери причетника Калязинского уезда, девицы Елизаветы Ивановны Аркадовой в доме Ламберг. Городовой Андрей Колбасов доложил приставу, что Аркадова допускает в портерную девиц, занимающихся тайной проституцией, а в случае их отсутствия вступает в сношения с мужчинами сама. В доказательство приводился эпизод 21 февраля 1892 г.: из портерной Аркадовой был послан извозчик (крестьянин Илья Степанов) за проституткой с Бураковой улицы к Анне Бодровой. Бодрова, не отпустив девицу одну, привезла ее сама. По показанию Бодровой и проститутки Авдотьи Никитиной, в портерной они застали лишь мальчика лет десяти, затем из темной соседней комнаты вышли оправляющая платье Аркадова и застегивающий штаны чиновник Сергей Павлович Колтыпин. Колтыпин заявил, что девица ему не нужна, «так как у него уже есть», указав на портерницу. Никитина воскликнула: «Что же ты, портер-

²² ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 181. Л. 3-5, 53.

ница, а занимаешься тем же, чем и мы, проститутки?». Прибывший городской № 26 Иван Монахов подтвердил, что Бодрова называла Аркадову «блядь»²³, а Колтыпин просил никому не говорить о случившемся. Однако защиту Аркадовой взял на себя её родной дядя – коллежский секретарь, частный поверенный Николай Гоголев. Он явился в полицейскую часть, заявил о «высокой нравственности» племянницы и представил свидетельство врача Е.С. Соловьевой от 28 февраля 1892 г., удостоверяющее, что Аркадова «не дефлорирована». Гоголев не отрицал, что Колтыпин был у Аркадовой, но называл его «дальним родственником – крестовым братом». Сам Колтыпин на допросе объяснил, что был «немного нетрезв», послал извозчика за девками, но потом, узнав в портернице крестовую сестру, забыл о них и просто пил пиво, а приехавшие девки были пьяны и начали шуметь. Суд вызвал свидетелей, включая мальчика (крестьянского сына Николая Белугина). В итоге, Тверской городской суд оправдал Аркадову, признав обвинение со стороны Бодровой и Никитиной «недобросовестным»²⁴.

Иной тип конфликта – принудительная регистрация. Так, в Бежецке в 1902 г. крестьянка Ирина Иванова, замужняя женщина, была зачислена полицейским надзирателем в число проституток. 12 июня 1902 г. она подала прошение в уездное полицейское управление, где объясняла: «состою замужем и проституткой быть не желаю». Женщина работала прачкой при Бежецкой больнице. По распоряжению полиции была проведена проверка. Крестьянка Наталья Конюхова, у которой Иванова квартировала, показала, что та «живет тихо и гулять не ходит, а также никого не принимает», ходит на работу в больницу и ночует дома. Старший городской Курулев подтвердил, что «про Ирину Иванову ничего плохого не слыхал и ведет она себя хорошо». Дело направили на распоряжение уездного полицейского управления²⁵.

Следующая серия конфликтов связана с деятельностью мещанки Марии Тромберг в Осташкове. В 1908 г. она открыла дом терпимости на Екатерининской улице в доме Богданова с разрешения уездного исправника, который руководствовался санитарными соображениями: в городе с населением около 13 тысяч человек была сильно развита тайная проституция и венерические заболевания. Однако уже в апреле 1908 г. 45 обывателей подали прошение в городскую думу, указывая, что дом расположен в центре, в 25–30 саженях от бульвара и катка, на пути рабочих завода Савина (до 700 человек), рядом с часовней, на улице, где останавливался император Александр I. Дума единогласно постановила ходатайствовать о закрытии. Исправник в рапорте от 18 июня 1908 г. подробно обосновал выбор места: вокруг дома Богданова – только кузницы, где работают, но не живут владельцы; ближайшая часть бульвара пустует; каток окружен высоким забором; инициатором жалоб выступал директор завода Нил Михайлович Савин,

²³ Там же. Д. 524. Л. 3–22.

²⁴ ГАТО. Ф. 660. Оп. 3. Д. 524. Л. 3–22.

²⁵ Там же. Ф. 806. Оп. 2. Д. 364. Л. 2.

который «привык, чтобы всё подчинялось его влиянию». Исправник отказался отменить разрешение, сославшись на то, что Тромберг и домовладелец уже произвели ремонт на сумму около 400 рублей. Однако губернатор в письме от 26 июня 1908 г. не признал возможным отменить распоряжение о закрытии из-за близости к катку и просьб горожан. К 1 июля 1908 г. дом терпимости был закрыт. Тромберг, понесшая затраты до 1500 рублей, перевела заведение на Малую Преображенскую улицу. Но там 27 домовладельцев в 1910 г. подали новую жалобу на скандалы, драки и кражи. Полицейский надзиратель Флеров провёл дознание и подтвердил, что почти каждую ночь у дома бывают шум, крик, драки пьяных мужчин; две девицы осуждены за кражи денег у посетителей; чиновник Казначейства Симонов получил тяжкие побои от выходившей оттуда молодежи. При опросе жителей некоторые признались, что подписали прошение, не читая, по просьбе соседей, но большинство подтвердили, что пьяные крики мешают им спать и вредны для детей. Домовладелица Мария Савина (вероятно, родственница заводчика) жаловалась губернатору, что из-за соседства с домом терпимости ее квартира пустует и она не может найти жильцов. В сентябре 1910 г. Тромберг дала подписку переехать на окраину («в местность под названием «Америка») к 15 октября, но дело тянулось до 30 апреля 1911 г., когда губернатор передал окончательное решение полиции²⁶.

В 1913 г. в Кашине произошёл инцидент с участием нижних чинов конвойной команды. Крестьянка Лукерья Кузьмина содержала дом терпимости в глухом месте на Садовой улице. 14 апреля 1913 г. около 5 часов вечера, несмотря на запрет кашинского уездного воинского начальника на посещение подобных заведений нижними чинами, солдаты Ефимов и Золин попытались войти в бордель силой. Муж хозяйки и случайные извозчики, пришедшие «выпить», вытолкнули сначала Золина, который вскоре убежал, а затем избили Ефимова, продолжив наносить побои на улице. Ефимов сначала оборонялся обломком доски, но его сшибли с ног и били лежащего. Подошедшие сослуживцы (до 15 человек) разбили стекла в доме терпимости, муж хозяйки бросил вдогонку большой камень, не попав. Дознание выявило, что местные жители уже ранее подавали прошение исправнику о закрытии этого дома: скандалы и драки происходили почти ежедневно, люди по ночам не спали, боясь «диких выступлений». В доме велась беспатентная продажа спиртных напитков (хотя хозяйка отрицала), а девицы были с венерическими болезнями, что вело к заражению нижних чинов. Туда иногда приходили кутить воспитанники средних учебных заведений. Губернатор в письме от 9 июля 1913 г. предложил исправнику закрыть дом терпимости. Просьба Кузьминой продлить его содержание была отклонена²⁷.

В 1914 г. разбиралось дело по рапорту командира 8-го гренадерского Московского полка великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха, который требовал закрыть публичные дома на Бураковской улице г. Твери

²⁶ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13017. Л. 4–26.

²⁷ Там же. Д. 1739. Л. 11, 20.

или перенести их в Затверецкую часть города. Одновременно крестьянка Ф.Е. Байкова и крестьянин Е.К. Щелкунов жаловались на введение полицией запрета на открытие домов терпимости в Твери²⁸. Эти документы показывают, что к 1910-м гг. конфликты вокруг размещения домов терпимости достигли уровня армейского командования, а отдельные лица (в том числе из крестьян) пытались оспорить запреты, видя в содержании заведений легальный доход.

Таким образом, документы 1863–1914 гг. фиксируют устойчивую картину: дома терпимости в Тверской губернии были постоянными очагами конфликтов – от рабочих погромов и драк офицеров до организованных протестов обывателей и судебных разбирательств. Социальный статус участников часто определял исход дел: рабочих-землекопов арестовывали, офицеров-дворян оправдывали, а содержательницы (Бахирева, Тромберг, Кузьмина) несли материальные потери и не получали компенсаций. Дело Аркадовой показало, что женщина могла быть оправдана благодаря связям (дядя-чиновник, врачебное свидетельство). К 1910-м гг. практика закрытия заведений по требованию обществу ужесточилась, а споры о размещении домов терпимости продолжались вплоть до начала Первой мировой войны.

Функционирование домов терпимости в Российской империи регулировалось не столько законами, сколько административными правилами Министерства внутренних дел, изданными в 1844 г. Согласно этим правилам, разрешение на открытие заведения, надзор за ним и его закрытие возлагались на полицию. Однако на местах нередко возникала правовая неопределенность. Уже в 1873 г. Тверское городское полицейское управление обратилось к вышестоящим инстанциям с запросом о том, каким именно законом должна руководствоваться полиция при открытии и закрытии домов терпимости²⁹. Этот документ свидетельствует, что правила 1844 г. давали лишь общие полномочия, а детали процедуры (основания для отказа, порядок обжалования, критерии выбора места) отсутствовали. Полиция вынуждена была действовать по своему усмотрению, что порождало конфликты и жалобы.

В 1898 г. Правительствующий Сенат в определениях № 1519 (17 февраля) и № 3628 (28 апреля) разъяснил, что городские думы не имеют законного основания устанавливать места для домов терпимости, поскольку эта сфера регулируется только административными правилами, а надзор за домами терпимости определяется не законом, а особыми правилами, изданными Министерством внутренних дел³⁰. Тем не менее на практике губернатор учитывал мнение влиятельных горожан и городских дум, что хорошо видно из дела Тромберг в Осташкове (1908–1911), где жалобы заводчика Савина и единогласное постановление думы привели к закрытию заведения, несмотря на аргументы исправника.

²⁸ Там же. Оп. 1-1. Д. 1752.

²⁹ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1–15. Д. 20446.

³⁰ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13017. Л. 27.

Важным дополнением к правовым нормам стали циркуляры Министерства внутренних дел 1901 г. № 1314 (6 июня) и № 1623 (16 июля) о возрасте проституток, допускаемых в дома терпимости. В разъяснении министра внутренних дел статс-секретаря Плеве от 3 октября 1902 г. (№ 2147) указывалось, что несовершеннолетние проститутки, находившиеся в домах терпимости до издания циркуляра от 6 июня 1901 г., не исключаются из домов терпимости помимо их желания, но в случае выхода из этих домов не могут быть вновь принимаемы ранее достижения совершеннолетия³¹. Этот документ свидетельствует о стремлении центральной власти ограничить вовлечение несовершеннолетних в легальную проституцию, однако с оговоркой, что уже работавшие могли оставаться.

Особое направление полицейского надзора составлял розыск международных профессиональных вербовщиц и вербовщиков женщин в дома терпимости. 22 августа 1896 г. Департамент полиции МВД разослал циркуляр губернаторам о розыске Берты Шмит, жительницы Рупперсдорфа (Германия), родившейся в 1856 г. Она была известной профессиональной сводней, уже отбывавшей наказание за преступную деятельность. Ей был выдан паспорт на проезд в Германию и Россию сроком на три года, и предполагалось, что она отправится в Россию для вербовки женщин в дома терпимости. Указывались приметы Шмит: рост средний, волосы светлые, глаза серо-голубые. Тверской губернатор Ахлестышев 4 сентября 1896 г. направил циркуляр уездным исправникам и тверскому полицмейстеру с предписанием учредить строгое наблюдение за деятельностью Шмит в случае ее прибытия в губернию. По полученным донесениям, Шмит в Тверскую губернию не прибыла³².

Аналогичное циркулярное распоряжение департамент полиции направил 4 ноября 1896 г. в связи с Мошкой Руфиновским – известным поставщиком женщин в дома терпимости, который отправился из Монтевидео в Европу с целью закупки девушек. Руфиновский был евреем, родом из России, путешествовал с паспортами на несколько вымышленных имен (Мориц Шевер, Маркус Шонер, Моисей Шейнер, Мордше Цивис, Марко Гублертовский), именуя себя уроженцем то Аргентины, то Уругвая, то Бразилии, то Австрии или Турции. Он говорил на ломанном немецком, а также по-испански, по-итальянски и по-французски, но на всех языках плохо. Тверской губернатор 20 ноября 1896 г. направил предписание об учреждении наблюдения. По донесениям, Руфиновский в губернии не появился³³.

В 1909 г. Департамент полиции вновь обратился к тверскому губернатору с требованием установить наблюдение за И. Шлеймовичем и А. Кротером – уроженцами Варшавы, возвращавшимися из Буэнос-Айреса и занимавшимися вербовкой девушек для своих притонов³⁴. Разыскиваемые лица не были обнаружены, однако сам факт многолетней циркулярной переписки

³¹ ГАТО. Ф. 806. Оп. 2. Д. 364. Л. 5.

³² Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 11659. Л. 1–17.

³³ Там же. Д. 11670. Л. 1–17.

³⁴ Там же. Оп. 1-5. Д. 13161. Л. 1–20.

свидетельствует о том, что центральные власти рассматривали международную вербовку проституток как серьезную угрозу и требовали от местной полиции повышенного внимания.

Экономическая сторона содержания домов терпимости документирована фрагментарно, но позволяет оценить масштабы затрат. При открытии заведения в Осташкове Тромберг заарендовала дом Богданова и произвела ремонт, первоначально потратив около 400 рублей, а затем, с учетом обстановки, – до 1500 рублей³⁵. Аренда и ремонт жилого дома в уездном городе составляли значительную сумму. Содержательницы рассчитывали на окупаемость за счет платы посетителей, однако принудительное закрытие заведения влекло за собой безвозвратные убытки. Тромберг неоднократно просила губернатора либо разрешить продолжить работу, либо взыскать понесенные потери с виновных, но получала отказ³⁶. Домовладелица Мария Савина жаловалась, что из-за соседства с домом терпимости ее квартира пустует, и она теряет доход от сдачи жилья³⁷. В Бежецке зачисление женщины в проститутки без её согласия (как в случае с Ириной Ивановой) означало для неё потерю возможности зарабатывать легальным трудом и социальное клеймо³⁸. Дома терпимости создавали сложную социально-экономическую экосистему: содержательницы, домовладельцы, извозчики, музыканты – все они были вовлечены в легальный или полулегальный бизнес.

Санитарный надзор являлся официальным обоснованием существования домов терпимости. В Тверской губернии действовала система медицинских освидетельствований женщин публичного поведения. Из рапорта ординатора тверской гражданской больницы от 24 сентября 1854 г. следует, что полиция должна была доставлять девушек на осмотр еженедельно, однако в течение года доставляла только раз в месяц, в малом числе, а в июне 1854 г. не доставила вовсе. Врач прямо связывал это с распространением «венерической заразы» и просил принять меры к ее прекращению³⁹. В августе 1854 г. из девяти осмотренных женщин две (Устинья Григорьева, 17 лет, и Акулина Семенова, 28 лет) оказались зараженными венерической болезнью⁴⁰.

В Бежецке в конце 1902 г. заведующий земской больницей сообщил исправнику, что «проститутки в земскую больницу для осмотра не являются около двух месяцев»⁴¹. В ответ 8 декабря 1902 г. полицейское управление постановила собрать всех зарегистрированных женщин и препроводить в больницу для освидетельствования, а неявившихся привлечь к ответственности, составляя протоколы отдельно на каждую. Кроме того, предписывалось принять меры к обнаружению всех женщин и девиц, занимающихся

³⁵ ГАТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13017. Л. 8, 20.

³⁶ Там же. Л. 17, 20.

³⁷ Там же. Л. 15.

³⁸ Там же. Ф. 806. Оп. 2. Д. 364. Л. 2.

³⁹ Там же. Ф. 56. Оп. 1. Д. 830. Л. 35.

⁴⁰ Там же. Л. 33.

⁴¹ Там же. Оп. 2. Д. 364. Л. 6.

тайной проституцией, и зачислить их в разряд проституток⁴². Проблема нерегулярных осмотров сохранялась в течение всего периода регламентации. В делах 1908–1913 гг. также фигурируют зараженные девицы в домах терпимости⁴³.

Подводя итог, отметим, что эмпирические наблюдения (о системе врачебно-полицейского надзора над сферой сексуальной коммерции, о проститутках, о содержательницах публичных домов и домов свиданий, о правонарушениях и конфликтах, о правовом регулировании и его противоречиях, санитарном надзоре за проститутками) получают объяснение при обращении к антропологической теории девиантного поведения. В них просматриваются не просто отдельные нарушения, а системные проявления социального контроля и статусных иерархий. Фокус смещается на вариативность девиаций, роль сословного и гендерного положения в квалификации поведения как «отклоняющегося», а также на действенность институтов надзора. Ключевая проблематика включает разграничение универсальных и культурно-специфичных форм девиации, влияние имущественного статуса на юридические последствия, асимметрию в восприятии мужских и женских отклонений.

В конфликтах вокруг домов терпимости наиболее наглядно проявилось это неравенство. Мужское девиантное поведение – погромы, драки, насилие, посещение нелегальных притонов – оставалось безнаказанным для привилегированных сословий, тогда как женщины в сфере секс-коммерции оказывались под жестким контролем, их показания властями не принимались всерьез. Такое неравенство обнажает социальную природу регулирования девиаций в дореволюционной провинции, отчетливо демонстрируя системный характер этого явления. Институт поднадзорной проституции просуществовал до 1917 г., однако его неэффективность стала очевидна задолго до крушения империи. Формальное функционирование надзорных органов не гарантировало достижения целей – оно служило поддержанию сословных и гендерных барьеров, а не оздоровлению общества или защите маргиналов.

Список литературы:

1. Зюбан М.Н. Российские дома терпимости: середина XIX столетия – 1917 г. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3–2(19). С. 164–169.
2. Кузнецова А.Н. Проституция и нужда в Москве в конце XIX – начале XX века // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 7–2 (70). С. 29–35.
3. Лебина Н.Б., Шкаровский М.В. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.). М.: Прогресс-Академия, 1994. – 221 с.

⁴² Там же. Л. 6–7.

⁴³ Там же. Оп. 1. Д. 13017. Л. 4.

4. *Мальшиева С.Ю.* Содержательницы казанских борделей второй половины XIX – начала XX в.: портрет явления // Учёные записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 3. Ч. 1. С. 102–112.
5. *Нестеренко Д.Н., Гергиев Д.Н., Хаит Н.Л., Излученко Т.В.* Дихотомия публичного и частного на примере феномена сексуальной коммерции в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // Былые годы. 2024. № 19(3). С. 1257–1264.
6. *Паликова Т.В.* «Торговля позором», или «заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 2. С. 38–52.
7. *Пушкарева Н.Л., Белова А.В., Мицюк Н.А.* Сметая запреты: очерки русской сексуальной культуры XI–XX веков. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 504 с.
8. *Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В.* Понимание истории повседневности в современных исторических исследованиях: от школы Анналов к Российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.
9. *Хазуров Т.А.* Девиантология – социология и психология зла: Монография. М.: ИНФРА-М, 2023. – 412 с.
10. *Bernstein L.* Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia. Berkeley: University of California Press, 1995. 304 p.
11. *Hetherington P.* Prostitution in Moscow and St. Petersburg, Russia // Selling Sex in the City: A Global History of Prostitution, 1600s-2000s / ed. by M. Rodríguez García, L. Heerma van Voss, E. van Nederveen Meerkerk. Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 138–170.
12. *Lucey C.* Love for Sale: Representing Prostitution in Imperial Russia. Ithaca: Cornell University Press, 2021. – 270 p.
13. *Stites R.* Prostitute and society in Pre-Revolutionary Russia. Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1983. 31(3). P. 348–364.

Об авторе:

КАРАНДАШЕВ Глеб Владимирович – доцент, кандидат исторических наук, доцент, кафедра отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского (150000, г. Ярославль, ул. Которосльская набережная, д. 46в), e-mail: karandashevg@gmail.com

Anthropology of deviant behavior (using the example of Tver province in the second half of the 19th – early 20th centuries)

G.V. Karandashev

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia

The article is devoted to an analysis of manifestations of deviant behavior in the Tver Governorate in the second half of the 19th – early 20th century. The central focus of the study is the regulation of prostitution, which allowed the authorities to control sex commerce but at the same time gave rise to offenses, drawing various segments of the population into them. The social status of the participants usually determined the outcome of legal proceedings. Brothels typically hosted conflicts. Public women were predominantly peasant or bourgeois women who came from poor families, had no education and began their trade at the age of 15–20; the proprietresses were mainly bourgeois women. Prostitution, alcoholism, and crime were interrelated phenomena of late-imperial urban everyday life.

Keywords: *Russian Empire, Tver Province, anthropology of deviant behavior, brothel, prostitution, alcoholism, crime.*

About author:

KARANDASHEV Gleb Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of National History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, (150000, Yaroslavl, Kotorosl'naya embankment str., d. 46 b), e-mail: karandashevg@gmail.com

References:

- Zyuban M.N. *Rossijskie doma terpimosti: seredina XIX stoletiya – 1917 g.* Uchenye zapiski. E'lektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 3–2(19). S. 164–169.
- Kuznecova A.N. *Prostituciya i nuzhda v Moskve v konce XIX – nachale XX veka.* Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyx i estestvennyx nauk. 2022. № 7–2 (70). S. 29–35.
- Lebina N.B., Shkarovskij M.V. *Prostituciya v Peterburge (40-e gg. XIX v. – 40-e gg. XX v.).* M., Progress-Akademiya, 1994. – 221 s.
- Malysheva S.Yu. *Soderzhatel'nicy kazanskix bordelej vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: portret yavleniya.* Uchyonye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2013. T. 155. Kn. 3. Ch. 1. S. 102–112.
- Nesterenko D.N., Gergilev D.N., Xait N.L., Izluchenko T.V. *Dixotomiya publichnogo i privatnogo na primere fenomena seksual'noj kommercii v Enisejskoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv.* Bylye gody. 2024. № 19(3). S. 1257–1264.
- Palikova T.V. *«Torgovlya pozorom», ili «zavedeniya naslazhdeniya»: doma terpimosti v social'no-servisnoj sfere gorodov Zabajkal'ya v nachale XX v.*

- Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. 2009. № 2. S. 38–52.
- Pushkareva N.L., Belova A. V., Micyuk N. A. *Smetaya zaprety: ocherki russkoj seksual'noj kul'tury XI–XX vekov*. 2-e izd. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2025. – 504 s.
- Pushkareva N.L., Lyubichankovskij S. V. *Ponimanie istorii povsednevnosti v so-vremennyx istoricheskix issledovaniyax: ot shkoly Annalov k Rossijskoj fi-losofskoj shkole*. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2014. T. 4. № 1. S. 7–21.
- Hagurov T.A. *Deviantologiya – sociologiya i psihologiya zla: Monografiya*. M., INFRA-M, 2023. – 412 s.

Статья поступила в редакцию 12.08.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.